

КОНЦЕПТ IRADA(T) ASH-SHA‘B (ВОЛЯ НАРОДА) В ДИСКУРСЕ “АРАБСКОЙ ВЕСНЫ”¹

Серия революционных событий, произошедших в арабских странах в период с 2010 по 2014 год и получивших название “арабская весна”, стала одним из знаменательных эпизодов мировой истории. Для Ближнего Востока эти события открыли новую страницу в истории региона.

Период глубоких общественных изменений всегда характеризуется резкой сменой дискурсов. Смена социальных и политических ориентиров сопровождается появлением новых общественно значимых символов и переозначиванием старых. Подобное имело место во Франции 1789–1799 гг., в России 1917–1921 гг., в период волны антиколониальных революций XX века в странах Азии и Африки. Для революционных событий в арабском мире характерно возникновение особого *революционного* дискурса, общего для целого ряда стран. В этом новом типе политического дискурса на фоне общности политической культуры обнаруживается единство тематики, концептов, идей, речевых жанров. Такое единство объясняется суммой социальных, политических и культурных факторов, но в первую очередь, наличием единого коммуникативного пространства, которое за последние без малого два десятилетия сформировали арабские спутниковые телеканалы². Именно арабское спутниковое телевидение, обеспечив возможность свободной и устойчивой (практически ежедневной)

¹ В данной статье мы используем упрощенную систему транскрипции арабских примеров на основе латинского алфавита, подстрочные диакритические знаки (черточка под межзубными, точка или черточка под h) нами опущены, долгие гласные не обозначены, согласные фонемы, отображаемые при помощи надстрочных знаков, обозначены диграфами – sh, gh, горланый взрыв в начале слова опущен, падежные окончания, в основном, опущены, на стыке в генетивных определениях (идафа) с определяемым женского рода ta’ marbuta передается как (t), определенный артикль al- отображается без учета правил стыка, транскрипция в целом приближена к разговорному варианту прочтения литературного арабского текста.

² Лидером в этом процессе стал катарский спутниковый телеканал Аль-Джазира, впервые вышедший в эфир 1 ноября 1996 года.

коммуникации между географически удаленными и разделенными политическими барьерами аудиториями, стало важнейшим инструментом канализации протестных настроений и формирования дееспособных контрэлит. Хотя “арабскую весну” часто называют Интернет-революцией, и социальные сети, такие как Facebook, действительно сыграли важную роль в мобилизации человеческих ресурсов в период, непосредственно предшествующий падению авторитарных режимов в Тунисе, Египте и Йемене, именно спутниковое телевидение следует на самом деле рассматривать в качестве необходимого условия, без которого не было бы “арабской весны” как общеарабского явления.

В этой статье речь пойдет о самых общих структурных и функциональных характеристиках дискурса “арабской весны” как объекта лингвистического исследования, основных подходах, которые позволяют выделить данный объект в многообразии современных арабских политических текстов, и основных лингвистических методах содержательной интерпретации этого богатого и мало исследованного пока лингвистами материала. Мы попытаемся, используя материал собранного нами предварительного корпуса текстов, рассмотреть один из ключевых концептов исследуемого дискурса IRADA(t) ASH-SHA‘B (воля народа).

В качестве временных рамок исследуемого объекта мы обозначили период 2010–2014 гг., когда разворачивается интенсивный процесс символического переосвоения социального и политического пространства в ходе революционной борьбы. Этот период охватывает время, предшествующее падению ряда арабских авторитарных режимов, смены режимов или борьбы за их сохранение, а также последующей острой и часто кровопролитной политической борьбы между различными политическими силами.

Для дискурса “арабской весны” как общеарабского коммуникативного феномена характерно наличие целого ряда общих тем, отражающих общественные ожидания в момент наивысшего общественного подъема, непосредственно предшествующего смене режимов. Ему присущ особый стиль полемики между основными политическими акторами, а также характерные номинации, отражающие оценку тех или иных участников политического противостояния, особые аргументативные средства и целый ряд новых политических концептов. Этот единый со структурно-функциональной точки зрения дискурс является символическим

отражением ценностного и коммуникативного единства арабского мира. Пожалуй, никогда еще в истории арабских народов ценностно-нагруженный политический концепт WANHA (ЕДИНСТВО) не находил настолько яркого материального воплощения в языке как социальной практике³. В дальнейшем, по мере того, как национальные политические дискурсы вбирают в себя поток локальных событий⁴ и демонстрируют растущую тематическую вариативность, они в значительной степени продолжают сохранять общий концептуальный каркас, сформировавшийся в период интенсивного общеарабского коммуникативного обмена на начальной фазе волны арабских революций.

В описании революционных событий, представленном в исследуемых текстах, можно выделить ряд характерных динамических семантических объектов – концептов, фреймов, моделей, скриптов и схем. По-видимому, можно также говорить и о некоем макрофрейме РЕВОЛЮЦИЯ, в котором находят отражение общие представления о процессах, участниках и предполагаемом исходе революционных событий, включая набор идеализированных представлений об изменениях, которые должны произойти в обществе, моделях нового общественного устройства, оценку и содержательное описание событий. В этом общем контексте поновому актуализируются прежние идеологические и ценностные концепты. К примеру, концепция *al-mashru' al-islami* – букв. “исламского проекта”, под которым подразумевается деятельность по всесторонней исламизации общественной и политической жизни⁵. Примером сценария, описывающего действия участников революционного противостояния, могут служить приписываемые

³ О значении концепта ЕДИНСТВО для арабского политического дискурса см. A. Bogomolov. Firmin the face of the enemy: semantic analysis of the concept of SUMUD in modern Arabic. *Folia Orientalia*. Vol. 38, 2002. С. 41–63.

⁴ – гражданская война в Сирии, военный переворот в Египте, теракты в Ливане, война центрального правительства с аль-Каидой на юге Йемена и зейдитскими повстанцами на севере страны и т. д.

⁵ *Al-mashru' al-islami* концептуализируется как некое общее дело, объединяющее представителей всех ветвей политического ислама, некая общая ценность. Так, в период после переворота/революции 30 июня 2013 года Братья-мусульмане выступили с обвинениями в адрес исламистской организации *ad-Da'wa as-Salafiya* и политической партии *Hizban-Nur* в том, что те нарушили консенсус (*kharaju 'alajima*) в отношении исламского проекта, выступив против БМ.

старому режиму или, позднее, военным негативные модели поведения, такие как *safkad-dima* – “кровопролитие”. Особого внимания заслуживают наиболее частотные в революционном дискурсе исламские концепты и связанные с ними скрипты, например QUSAS ([кровная] месть, отмщение). Так, целый ряд массовых демонстраций против режима в Каире и других городах Египта проходил под лозунгами “отмщения за кровь мучеников” (*shuhada'* – в данном контексте погибших героев революции). Важное место в революционном дискурсе занимают и некоторые политические концепции, актуализировавшиеся в контексте политических изменений, вызванных сменой режима, такие как концепция интеграции Братьев-мусульман в политическую элиту постреволюционного режима, получившая наименование *al-damj al-amin* “безопасная ассимиляция/интеграция”, или же концепт *ad-dawla al-'atiqa* (букв. *глубокого государства*), применяемый в дискуссии о роли военных как властного института в политической жизни Египта.

В качестве примера наиболее характерных маркеров дискурса “арабской весны” можно привести концепты, референтами которых выступают новые политические и социальные институты, актуализировавшиеся в контексте революции, такие как SHABAB (молодежь), понимаемая как основная движущая сила, своего рода передовой отряд революции, FULUL (букв. *остатки*) – референтом данного концепта выступают представители старого режима, заслуживающие особых социальных санкций⁶. Особого внимания заслуживает и анализ функционирования в новом контексте базовых политических концептов, таких как NIZAM – “режим”, референтом которого выступает система официальных органов власти⁷, SULTA “власть”, QADA – “суд, судебная власть”,

⁶ Как правило, речь идет о необходимости их политической “изоляции” (*'azl*). 21 апреля 2012 года египетский парламент принял специальный закон о “политической изоляции” – *al-'azlal-siyasiy*, предусматривавший запрет на занятие выборных должностей для высокопоставленных чиновников старого режима, 5 мая 2013 подобный закон был принят в Ливии, принцип политической изоляции был применен и в отношении отстраненного от власти президента Салиха в Йемене, хотя текст соответствующего закона так и не был согласован на законодательном уровне.

⁷ Фраза *ash-sha'b yurid isqat al-nizam* – “народ хочет свержения режима” стала основным лозунгом “арабской весны”.

‘ASKAR – “военные, военщина” и JAYSH – “армия”, референтом последних в контексте революционного дискурса выступает “военный истеблишмент” как особый институт власти⁸.

Тексты, представляющие дискурс “арабской весны”, можно выделить тематически в силу присутствия в них различных элементов, отражающих особый культурно-исторический контекст, исходной точкой которого для Египта, к примеру, стали события революции 25 января 2011 года⁹. Не менее важным отличительным признаком, помимо отмеченных выше структурных особенностей, является также функциональная нагрузка этих текстов, коммуникативные цели, которые они преследуют. Для значительной части текстов характерна полемическая направленность, предполагающая обоснование позиций, образа действий, решений, поступков одной из сторон политического процесса, а также критику действий и намерений оппонентов. На фоне единства концептуального каркаса, отражающего устойчивые представления о политической сфере, сложившиеся в рамках современной арабской культуры, обращают на себя внимание новые концепты, демонстрирующие контрастные семантические и прагматические характеристики в дискурсе различных участников политического процесса. Полемика, выстраивающаяся вокруг этих концептов, которые можно, по-видимому, отнести к категории по существу оспариваемых понятий (*essentially contested concepts*), реализуется в режиме их переозначивания, реконтекстуализации, важную роль при этом играет применение контрастных когнитивных метафор¹⁰.

В рамках планируемого нами исследования мы, таким образом, предполагаем уделить основное внимание когнитивно-семантическому анализу общего для ряда арабских стран дискурса эпохи перемен, функционирующего в общеарабском коммуникативном пространстве арабоязычных СМИ. Один из

⁸ Первый термин фигурирует в негативном контексте, второй – чаще в позитивном, можно, видимо, говорить и том, что референты этих концептов пересекаются, но не совпадают полностью – ‘ASKAR относится к военному истеблишменту или генералитету, JAYSH – к армии на улицах, охраняющей порядок во время массовых волнений.

⁹ В рамках этой статьи мы используем материал египетских Интернет ресурсов.

¹⁰ Эти моменты будут проиллюстрированы нами ниже.

ключевых для нас методологических подходов, применение которого мы проиллюстрируем ниже на конкретном примере, основан на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона¹¹.

Концепт IRADA(t) ASH-SHA‘B (воля народа)¹², несомненно, является одним из ключевых элементов революционного дискурса. В контексте дискурса “арабской весны” данный концепт непосредственно связан с основным лозунгом арабских революций, впервые прозвучавшим в Тунисе и затем подхваченным участниками протестных акций в Египте и других арабских странах: *ash-sha‘b yurid isqat an-nizam*¹³ (народ хочет падения режима). Можно сказать, что в контексте революционных событий данный концепт был впервые значимо реализован именно в форме лозунга, а номинация *irada(t) al-sha‘b* (воля народа), по сути, является парафразом ключевого компонента лозунга, несущим, помимо всего прочего, и визуально-образную нагрузку, отсылая к обошедшей все новостные каналы телевизионной картинке огромной толпы, скандировавшей его на площади Тахрир в Египте.

Для самой широкой арабской общественности, зрителей панарабских спутниковых телеканалов, общеарабская экспансия этого короткого и простого текста стала, пожалуй, наиболее очевидным символом единства арабского мира в его стремлении к

¹¹ Продуктивность применения теории когнитивной концептуальной метафоры к анализу политического дискурса продемонстрирована на обширном материале, в первую очередь в работах самого автора данной теории Дж. Лакоффа. См., в частности, G. Lakoff. *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*. The University of Chicago Press. 2002.

¹² В частных случаях концепт может также быть представлен другими синонимичными номинациями *al-irada ash-sha‘biya* (народная воля), *irada(t) al-misriyin* (воля египтян) и т. п., в сходном смысле употребляются и другие близкие по значению номинации, например *irada(t) al-tawra*.

¹³ Лозунг настолько важный, что ему посвятили специальную статью в арабской и английской версиях Википедии. Арабская Вики приводит список из 33 производных лозунгов, использовавшихся в различных конкретных обстоятельствах в разных арабских странах, связанных общим зачином *ash-sha‘b yurid* – “народ хочет”. О значимости лозунга говорит и тот факт, что он стал названием ряда телевизионных и радиопрограмм, в частности, программы Тони Халифы на египетском телеканале *al-Qahira wa al-Nas* (“Каир и люди”), выходившей в эфир с августа 2011 года, и радиопрограммы на тунисской ШамсFM.

переменам. Ср. характерное высказывание одного университетского профессора: “They are not only referring to their corrupt governments; they also mean the old regime that has prevailed for decades in the entire Arab world, from the Atlantic to the Gulf”¹⁴. Заимствуя этот лозунг, каждая последующая группа арабских революционеров символически привлекала на свою сторону авторитет и успешный опыт своих предшественников.

С семантической или, точнее говоря, социально-семиотической точки зрения лозунги, построенные по модели “народ хочет...”, представляют собой перлокутивные акты, убедительность которых (их способность понуждать слушающего к определенным действиям) определяется, в частности, убедительностью облика адресанта сообщения (группы людей, выкрикивающих лозунг), его способностью восприниматься как (часть) референт(а) понятия “народ”. Неслучайно организаторы протестных акций “арабской весны” с самого начала стремились достичь впечатляющей численности протестующих – ср. характерную номинацию, применявшуюся в отношении крупнейших протестных демонстраций в Египте, – *miliyuniya* (“миллионная [демонстрация]”). В ином контексте подобная фраза могла бы быть простым локутивным актом, например, фрагментом социологического опроса, не требующим от адресата сообщения никаких ответных действий. При трансформации лозунга “народ хочет...” в субстантивированную форму *irada(t) ash-sha 'b* (воля народа) семантика действия, несмотря на исчезновение синтаксической валентности объекта желания, – сохраняется. Субстантивация открывает и новые синтаксические возможности, позволяющие увидеть большую семантическую глубину концепта ВОЛЯ НАРОДА. В качестве факультативных номинаций, представляющих концепт ВОЛЯ НАРОДА, используются также *al-irada ash-sha 'biya* (народная воля), *irada(t) al-jamahir* (воля масс), *al-irada al-jamahiriya* (массовая воля) и, наконец, *irada(t) al-misriyin* (воля египтян)¹⁵.

¹⁴ Rashid Khalidi. Reflections on the revolutions in Tunisia and Egypt. The Middle East Channel. 24.02.2011. http://mideastafrica.foreignpolicy.com/posts/2011/02/24/reflections_on_the_revolutions_in_tunisia_and_egypt

¹⁵ В рамках данной статьи мы оставляем за скобками незначительные различия, связанные с употреблением данных номинаций, такие как, например, связь понятия “массы” с дискурсом левых и националистических арабских партий.

Пожалуй, наиболее метафоричным сегментом дискурса представителей “революционных” сил¹⁶ являются официальные тексты лидеров Братьев-мусульман. Концепт ВОЛИ НАРОДА неизменно присутствует в этих текстах, часто в контексте целой констелляции иных метафор. Ср.:

la-qadrawatal-shuhada’ budhural-irada ash-sha’biya, fa-namat shajaratu al-hurriya, wa asbahat ‘asiyyatan ‘alaal-iqtila’ aw al-iltifaf ‘alayha aw muhawalatu al-khida’ bi-ghayriha, fa-‘alayna jami’an al-lanastahin bi-iradat shu‘ubina, wa an nansa’ laha, wa an nataharrak fi-itariha, wa al-la yuhawil ayyu fasil mahma i’taqada fi-nafsihi al-qudra ‘ala mujabahati al-shu‘ub, an yasbaha ‘aksa al-tayyar, wa liyakun lahu ‘ibratan fi-man sabaquhu¹⁷

мученики полили семена *народной воли*, и выросло дерево свободы, и стало [оно] противящимся вырыванию или обходу вокруг него или попытке обмана другим [по отношению] к нему (лит. перевод: обмана путем подмены), и мы все не должны пренебрегать ВОЛЕЙ НАРОДОВ, и подчиняться ей, и двигаться в ее рамках, и чтобы не пыталась [какая-либо] группа, какой бы ни была способность, которую она считает, что в себе [имеет], противостоят народам, плыть против течения, и да будет урок для нее (т. е. группы) в тех, кто [ей] предшествовали

Воля народа часто концептуализируется как некая деятельная автономная сила¹⁸. Ср.:

inna irada(t) ash-sha’b la tuhzam wa hiya qadira ‘ala kasr iradat al-quwa allati tumarisuha sulatat al-inqilab¹⁹

¹⁶ Слово “революционный” взято нами в кавычки, поскольку статус истинного революционера является предметом спора между представителями различных политических сил: так, светски ориентированные либеральные и левые силы зачастую оспаривают право Братьев-мусульман называться революционерами, в особенности, после революции/переворота 30 июня; те, в свою очередь, объявляют силы, выступившие против президента Мурси в контексте этих событий, в первую очередь, военных, контрреволюционерами, отождествляя их с FULUL (остатками) старого режима ранее свергнутого президента Хосни Мубарака.

¹⁷ <http://bit.ly/1jx5892>

¹⁸ Приводимый ниже пример можно было бы более глубоко проанализировать в рамках метафоры ПОЛИТИКА – ВОЙНА, что мы предполагаем сделать позднее в рамках отдельной дискуссии о том, как концептуализуетсся сфера политики в целом в дискурсе “арабской весны”.

¹⁹ <http://benaaparty.com/ViewArticle.aspx?ID=7374&CategoryID=2>

воля народа непобедима, и она способна разбить волю силы, которую реализуют власти переворота

Свойство ВОЛИ НАРОДА как автономного (даже неуправляемого и своевольного) субъекта подчеркивают следующие метафорические контексты из области животного мира:

awdahā inna al-qanun sadara fī-waqt akkadat fihī al-jamahir annahu la majala li-**kabh** iradatihim wa annahu laysa bi-l-imkan al-intiqas min haqqihim fī-l-tazahur mahma tala al-waqt wa anna ayū nizam mahma balighat quwatuhu al-amniya wa al-qam'īya lan yastati' **kab**t iradat al-jamahir²⁰

[он] пояснил, что закон вышел во время, в которое подтвердили массы, что нет места **подавлению** их воли и, что невозможно преуменьшить их права на демонстрацию, сколько бы не прошло времени (букв.: сколь бы долго не длилось время), и что любой режим, сколь бы великими не были (букв. сколько бы не достигли) его сила [в сфере] безопасности и подавления, не сможет **подавить** волю масс

Два употребления, переведенных в этом пассаже как *подавление*, соответствуют – в первом случае арабскому глаголу *kabah*, одно из словарных значений которого “осадить жеребца”; во втором случае ар. *kabat* – 1) разбивать, громить (врага); 2) зажимать как в тисках; 3) подавлять²¹.

Очевидно, что именно IRADA (воля, желание), как составляющая сложного концепта IRADA(t) AL-SHA 'B, позволяет в данном контексте метафорически представить последний как своенравное, сильное животное – подобное коню.

Глаголы *qawwada* (разрушить), *asqata* (повалить), *kasara* (слопать), *ansha'a* (поставить в смысле “создать”) и др., широко применяемые в арабском языке в колокации с номинациями различ-

²⁰ <http://www.el-balad.com/884082>

²¹ В рамках данной статьи словарные значения приводятся по словарю Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1984 – далее по тексту – Бар. В отношении глагола *kabah* словарь дает также следующие употребления: *al-husanbi-l-lijam* – “коня поводьями”, также *jimahahu* (норов лошади, прихоть, каприз), как более конкретные, именно эти употребления, по-видимому, и следует считать исходным. Подобные наблюдения, конечно же, необходимо уточнять по данным классических арабских словарей, что мы и планируем сделать в последующих публикациях.

ных институтов власти в позиции прямого дополнения, говорят о продуктивности метафоры ВЛАСТЬ – ЗДАНИЕ²² в арабском политическом дискурсе. Ср. в частности: *isqatan-nizam* (свержение режима – от глагола *свалить*), *taqwid ad-dimuqratiya* (разрушение демократии), *taqwid iradat ad-dalwa* (разрушение воли государства), *insha' al-hizb* (создание партии – букв. *поставить*)²³. Интересно, что концепт ВОЛЯ НАРОДА также встречается в подобном метафорическом контексте. Ср.:

mursi: al-wahimuna yuriduna al-inqidat 'ala tawra(t) yanair wa taqwid irada(t) ash-sha' b

Мурси: заблуждающиеся²⁴ хотят обрушиться на январскую революцию и разрушить *волю народа* (заголовок статьи)²⁵

Ср. еще один пример с другим синонимичным глаголом:

inna al-hadaf min hadihi al-harb al-irhabiya huwa kasr iradat ash-sha' b alladi sahaba tiqqatahu min hada al-ra'is²⁶

цель этой террористической войны – это разбить (букв. разбиение) *волю народа*, который лишил доверия (букв. забрал доверие от) этого президента

В нашем корпусе есть немало и других примеров сочетаемости данного ряда глаголов также и с концептом ВЛАСТЬ НАРОДА, что позволяет, по-видимому, сделать вывод о том, что рассматриваемое нами понятие также в некоторых контекстах представляется как репрезентант более широкого концепта ВЛАСТЬ²⁷.

²² Наименование метафоры, используемое в данной статье, носит предварительный характер, подробнее на анализе данной метафоры мы предполагаем остановиться в одной из последующих публикаций.

²³ Эти и другие подобные примеры обильно представлены в нашем корпусе.

²⁴ Бар.: *wahim* – 1) воображающий; 2) ошибающийся, заблуждающийся; 3) ошибочный.

²⁵ <http://www.almasryalyoum.com/news/details/221937#>

²⁶ <http://www.almasryalyoum.com/news/details/422786>

²⁷ Можно даже сказать, возможно, концептуализируется как некий властный институт. Иными совами, если метафору ВЛАСТЬ – ЗДАНИЕ представить как некую математическую функцию, то ВЛАСТЬ НАРОДА наряду с такими концептами, как РЕЖИМ, ПАРТИЯ, ПРАВИТЕЛЬСТВО, ГОСУДАРСТВО и пр. может быть отнесена к области определения данной функции.

Ср. также следующий пример, где концепт ВЛАСТЬ НАРОДА выступает как объект *переворота* – действия, направленного в наиболее общем случае против государства:

inna i'lan tarshih as-sisi li-l-ri'asa kashafa bi-wuduh anna ma ha-data laysa faqat inqilab 'alaal-shar'iya al-muntahaba wa innama aydan **inqilab 'ala al-irada ash-sha 'biya**²⁸

объявление о выдвижении Сиси кандидатом на президентство обнаружило с ясностью, что [то] что произошло не есть только переворот против избранной законности, но однако также **переворот [направленный] против народной воли**

Концепт IRADA(t) ASH-SHA 'B широко применяется в текстах, коммуникативной задачей которых является обоснование конкретных действий политических лидеров. Характерно, что в подобном контексте концепт нуждается в дополнительной интерпретации, противопоставляющей данную форму актуализации ВОЛИ НАРОДА как истинную²⁹, в отличие от других возможных актуализаций данного концепта в дискурсе оппонентов, представляемых имплицитно как ложные. Ср.:

inna ta'yid as-sisi fi-l-intihabat ar-ri'asiya wa at-tarashshuh laha huwa irada sha'biya halisa natija 'an mawaqif as-sisi al-wataniya al-lati zaharat jaliyyan fi-tawra(t) yuniyu

Поддержка Сиси на президентских выборах и его выдвижение [в качестве] кандидата на них это настоящая народная воля, происходящая из патриотических позиций Сиси, которые проявились ясно в июньской революции³⁰

Тема ВОЛИ НАРОДА в революционном дискурсе служит маркером меняющейся конфигурации властных отношений. Если в дискурсе революционных деятелей, политиков на первоначальном этапе, а также в заявлениях президента Мурси и Братьев-мусульман в период борьбы с военными ВОЛЯ НАРОДА – это некая автономная сила, она независима от каких-либо властных институтов и возвышается над ними, то в официальных текстах военной власти после революции/переворота 30 июня ВОЛЯ

²⁸ <http://www.cairoportal.com/talk-show/25388>

²⁹ В нижеприведенном примере используется эпитет *khalis* (Бар.: чистый, неподдельный, настоящий, искренний).

³⁰ <http://www.el-balad.com/884728>

НАРОДА из деятельного субъекта превращается в объект (защиты). Ср.:

dakara masdar anna abd al-fattah as-sisi ... shaddada ... 'ala darurat wad' fi-l-i'tibar inna himayat iradat ash-sha'b al-masri hiya min al-muqaddasat allati taqum biha al-quwat al-musallaha...³¹

...источник упомянул, что Абд аль-Фаттахас-Сиси... подчеркнул... необходимость учета того, защита воли египетского народа является [одной] из святынь (т. е. святых обязанностей), которые выполняют вооруженные силы...

Проанализированный небольшой сегмент корпуса, собранного нами на основе текстов периода египетской революции, позволяет сделать некоторые предварительные выводы и обобщения.

Рассмотренные примеры показывают, что в качестве наиболее заметных и насыщенных в смысловом отношении концептов политической сферы выступают те из них, которые сформировались в конкретных обстоятельствах политического противостояния и имеют метафорический характер с ярко выраженным позитивным аксиологическим компонентом, а не нейтральные обозначения, которые можно было бы отнести к традиционному лексикону политических наук. Так, описанный выше концепт IRADA(t) ASH-SHA'В содержит смысл, весьма близкий к одному из ключевых элементов традиционного демократического дискурса – понятию *народовластие*, но арабский аналог последнего *sulta(t) ash-sha'b*, в отличие от IRADA(t) ASH-SHA'В, встречается, преимущественно, в текстах специального характера (комментариях экспертов, выступлениях интеллектуалов, дискуссии по вопросам права и т. п.).

Спор о власти представляет собой одну из центральных тем дискурса “арабской весны”, глубоко полемический характер революционного дискурса позволяет сделать вывод о примате прагматики над семантикой в функционировании его ключевых концептов.

Новые концепты политического дискурса, актуализировавшиеся в контексте революционных событий и находящиеся в фо-

³¹ As-Sisi: himayat iradat ash-sha'b al-masri min al-muqaddasat. Сайт Misr 11. 09.02.2014: <http://bit.ly/1uuWInG>

кусе полемики конкурирующих политических сил, представляющих существенно разные идеологические программы, проявляют определенную семантико-прагматическую нестабильность, выражающуюся в частности в том, что по отношению к ним в различных контекстах применяются семантически контрастные и часто просто логически несовместимые когнитивные метафоры. Семантическое наполнение концепта, концептуальные метафоры, в рамках которых он функционирует, варьируются в зависимости от коммуникативных целей и адресанта.